

ЭПИДЕМИЯ

Локдаун раздора

Германия, которую ставили в пример борьбы с коронавирусом, испытывает сегодня те же проблемы, что и ее европейские соседи. Об этом из Берлина корреспондент «Д» Виктор Агаев.

Виктор Агаев

«Административный хаос, какофония требований, боязнь заразиться и гордость за собственные успехи — эти четыре момента сильнее всего поражают сейчас в Германии», — заметила еще в сентябре французская Le Monde. За прошедшие полгода первые три «момента» ошутимо усилились, а гордость сменилась безудержными атаками СМИ и оппозиции на кабинет Ангелы Меркель. Каждую неделю то тут, то там проходят демонстрации, собирающие порой до 100 тыс. участников, представляющих весь спектр недовольных. Хотя опросы и сейчас говорят, что большинство (до 70%) населения согласно с тем, что делает правительство. И это несмотря на то, что в стране уже с ноября идет локдаун. Уровень поддержки во многом объясняется тем, что правительство выплачивает людям и фирмам, страдающим от локдаунов, различные пособия, объем которых уже превысил €2 трлн.

Чтобы понять сложность ситуации, нужно оглянуться назад. Весной 2020 года в стране остановили все, что не жизненно необходимо. Все эти строгости помогли затормозить наступление вируса. Народ вздохнул с облегчением и летом полетел к морю — в Турцию, Италию.

Естественно, вирус вернулся. В октябре удвоение всех показателей заболеваемости происходило за неделю. Меркель была готова снова все закрыть. Но тут возникла принципиальная проблема. По конституции Германия — федерация, и в ряде сфер главы земель (их 16) не подчиняются «центру». Поэтому в ноябре, когда Меркель решила объявить жесткий локдаун, некоторые регионы закрыли лишь сферу досуга, да и то не везде строго. Одни объясняли это малым числом инфицированных, другие — экономическими соображениями. Третьи фрондировали, чтобы заручиться поддержкой недовольных канцлером.

Однако смертность взлетела до 400 человек в сутки, и 16 декабря

Протестующим кажется, будто COVID убивает немцев, а карантин — немецкую экономику

объявили второй жесткий локдаун. Закрывали (и до сих пор не открыли) всю торговлю (кроме продмагов, аптек, бензоколонок), общепит работает только на вынос. Но по инерции

ужесточить. Надеясь предотвратить третью волну, Берлин запретил выходить на улицу все пять дней Пасхи. Поняв, видимо, что главы регионов это снова проигнорируют, Меркель пошла на попятную и даже извинилась перед народом, выступив в Бундестаге. Тем не менее ситуация приобрела пугающие формы. Чуть ли не

каждую неделю канцлер и 16 глав регионов в ходе многочасовых споров совместно принимали жесткие решения, но, как только о них узнавал народ, земельные лидеры сообщали, что выполнять их не будут. Поэтому 13 апреля правительство внесло в закон об инфекционной защите несколько поправок, которые заставляют регионы если не под-

чиняться «центру», то хотя бы действовать по одному алгоритму. Если в районе или городе число новых заражений за неделю превысит 100 (в пересчете на 100 тыс. жителей), власти должны запрещать контакты больше трех человек, вводить комендантский час с 21:00 до 5:00, закрывать объекты культуры и магазины. Смысл прост: максимально затруднить инфицирование. Если через три дня число опустится ниже 100, ограничения могут быть ослаблены. Если вновь перешагнет за 100 — они должны быть автоматически усилены.

Не факт, однако, что Бундестаг примет этот закон. Далеко не все готовы ради борьбы с вирусом ломать федеративную систему. Многие в стране, однако, давно требуют отказаться от федеральной раздробленности в системе образования. Программы, учебники, экзамены одной земли не соответствуют требованиям других. В пандемию это все проявилось еще сильнее. Нет ни техники, ни мето-

дик, ни учебников для дистанционного обучения. Все попытки вести занятия через интернет оказались безуспешными, да и сам интернет в стране явно не создан для этого.

Не удивительно, что сейчас Ассоциация учителей предлагает «аннулировать» нынешний учебный год для тех, кто не готов сдавать экзамены или переходить в следующий класс. Или «найти» €2 млрд, чтобы организовать индивидуальные дополнительные занятия для тех, кто к этому готов, и оставить на второй год остальных.

Реально всех пугает состояние медицины. Постоянно чего-то не хватает: то тестов, то пипеток, то лабораторий, то койко-мест в интенсивной терапии. Глава Минздрава Йенс Шпан (ХДС), который из первой волны пандемии вышел героем (его даже прочли в канцлеры), сосени находится под непрерывным обстрелом, хотя он виноват далеко не во всех бедах. Прошлой весной в стране не хватало ИВЛ—

летом их закупили достаточно, оборудовали около 20 тыс. коек для интенсивной терапии, организовали систему «переборки» тяжелых пациентов с одного конца страны в другой — туда, где есть свободные места.

Однако для такого количества тяжелых пациентов не хватает младшего медперсонала. Шпан уже в 2019 году говорил, что дефицит санитаров и сестер превышает 70 тыс. Немцы на эту работу идут неохотно: трудно, платят мало. Молодежь быстро уходит, не выдерживая экстремальной нагрузки. «Гастарбайтеров» из-за карантинных ограничений почти не осталось.

«В первую волну в реанимации было 3 тыс. ковидных пациентов, но все были настроены оптимистично. А сейчас у нас 5 тыс. и надежда только на вакцинацию», — сетовал на днях Кристиан Караганидис, руководитель Ассоциации интенсивной терапии.

Важность вакцинации была всем понята изначально. И вот сейчас применение вакцин стали ограничивать, но полностью от них не отказались, поскольку возможные побочные явления менее опасны, чем COVID-19. Нехватку усугубили ошибки тех, кто занимался закупкой вакцин для ЕС. Их решили закупать соотечественниками (так выгоднее), чтобы затем распределять по странам пропорционально численности населения. Заплатили авансом сотни миллионов евро и стали честно ждать. Но тут президент Трамп запретил экспортировать любые вакцины, даже если американские фирмы изготовили их в ЕС и для ЕС: «America First».

Еврокомиссия, заключая договоры, не заметила, что они вовсе не предусматривают первоочередное снабжение Евросоюза. И потому, заплатив больше, чем ЕС, «некоторые» страны перехватили его заказы. И теперь Еврокомиссия пытается запретить вывоз вакцин из Европы.

Власти прививки пришлось вносить коррективы, но с конца декабря вакцинация идет. Уже полностью привито более 7% населения. Начали с групп риска (80+, тяжелобольные, персонал больниц). Сейчас перешли к остальным. Логика простая: сначала колот тех, кто в принципе переносит COVID-19 тяжелее других (старички) или чаще имеет возможность заразиться (персонал больниц). Все это было многократно объяснено, но, естественно, многие недовольны, хотя в целом ситуация с прививками в ФРГ значительно лучше, чем это представляется из сообщений СМИ. Ангела Меркель уверяет, что к осени все желающие будут привиты.

Ассоциация учителей предлагает «аннулировать» нынешний учебный год

смертность продолжала расти и достигла пика к новогодним праздникам. Поэтому знаменитые рождественские базары вовсе не открывали, новогодние фейерверки и даже хождение в гости запретили.

В марте, когда локдаун помог сбить вторую волну, запреты слегка ослабили, но ситуация тут же ухудшилась, и канцлер решила снова их

каждую неделю канцлер и 16 глав регионов в ходе многочасовых споров совместно принимали жесткие решения, но, как только о них узнавал народ, земельные лидеры сообщали, что выполнять их не будут.

Поэтому 13 апреля правительство внесло в закон об инфекционной защите несколько поправок, которые заставляют регионы если не под-

СОЦИОЛОГИЯ

Аполитичная молодежь

Молодые россияне мало интересуются политикой, но знают, как улучшить международные отношения РФ. О результатах исследования Фонда имени Фридриха Эберта рассказывает Анастасия Мануйлова.

Анастасия Мануйлова

Согласно результатам исследования Фонда имени Фридриха Эберта об установках и ценностях российской молодежи, россияне в возрасте до 35 лет в основном равнодушны к политике, плохо в ней разбираются и практически не принимают участия в политической деятельности. В то же время, если их представления о проблемах государственного устройства в РФ можно ожидаемо назвать размытыми, они имеют достаточно отчетливое мнение о нынешнем состоянии российской внешнеполитической ситуации.

Хотя молодые россияне мало интересуются политикой и, по их собственным признаниям, мало в ней понимают, они имеют достаточно отчетливые представления о том, как сейчас строятся отношения России и большинства западных стран. Считая их нынешнее состояние неблагоприятным, они тем не менее не видят в этом вины России и не считают, что страна должна идти на уступки во внешней политике. Такие выводы можно сделать из доклада «Российское „поколение Z“: установки и ценности», подготовленного Фондом имени Фридриха Эберта. В этом исследовании использовалась мето-

дология, аналогичная методике известного исследования Shell Youth Study, которое проводится регулярно раз в три-четыре года в ФРГ. Основой исследования стали количественные и качественные социологические опросы. Как ранее заявлял глава представительства Фонда имени Фридриха Эберта в России Пеер Тешендорф, эпидемия коронавируса не повлияла на актуальность результатов исследования, поскольку в нем изучалось «не столько мнение молодежи о текущей новостной повестке, сколько их мировоззрение и ценностные установки».

В целом молодые россияне вполне довольны своей жизнью — таковы оказались 87%, в то время как о неудовлетворенности заявили только 4%. Больше всего российская молодежь удовлетворена кругом своих друзей и общения (91%), отношениями в семье (89%), своим образованием (78%) и своей работой (72% от работающей молодежи). Такие оценки, отмечают авторы исследования, существенно выше, чем соответствующие показатели среди людей старшего возраста. Также опрошенные продемонстрировали весьма высокую степ-

пень оптимизма относительно своей частной и личной жизни и гораздо более сдержанные оценки коллективного или национального российского будущего. Так, если перспективы улучшения собственной жизни в будущем видят 81% респондентов, то по отношению к российскому обществу в это верят уже только 43%. Почти треть (31%) считает, что его положение не изменится, еще 20% прогнозируют ухудшение. Впрочем, в списке тревог, которые беспокоят молодых россиян и могут омрачить будущее российского общества, респонденты назвали не конкретные социальные страхи, такие как снижение доходов, угроза безработицы или ограничения и физического насилия, а достаточно отвлеченные факторы беспокойства: война, ухудшающаяся экологическая обстановка, болезни и теракты. «Структура страха» в этой возрастной группе в целом очень сходна со структурой страха, обнаруживаемой у других возрастных групп, за исключением большей озабоченности загрязнением окружающей среды и изменением климата.

Молодых россиян, как показало исследование, мало волнует полити-

ка: интерес к ней проявляют лишь 19% опрошенных, в то время как 57% респондентов сообщили, что относятся к ней равнодушно. Впрочем, среди всего населения в целом интерес к политике проявляет еще меньше людей: доля интересующихся политикой респондентов по общероссийским выборкам не превышает за 20 лет в среднем 10–12%. Большую заинтересованность в политических вопросах демонстрируют мужчины (24% против 15% среди женщин), столичная молодежь, (18–24% в Москве и больших городах и 18–19% в малых городах и деревнях) и малообеспеченные слои (26–28% и 17–20% соответственно). Не поэтому ли на последние выборы в Госдуму РФ в 2016 году пришли только 46% молодых людей из тех, кто имел право голоса?

Говоря о своих политических взглядах, до трети опрошенных (28%) назвали их социал-демократическими, еще 16% относят себя к русским националистам и 12% — к либералам. При этом, впрочем, 60% отметили, что не считают себя разбирающимися ни в политике, ни в политических идеологиях. Это, по мнению авторов доклада, приводит к тому, что ориентации на предпочтительные для России модели государственного или политического устройства у российской молодежи являются «смутными и не очень выраженными». Около половины опрошенных (47%) считают, что оптимальной моделью социально-политической системы для РФ является демократия, сопоставимая доля говорит о необходимости наличия в стране оппозиции (51%). Но, хотя большинство (71%) заявляет о неприятии авторитарных методов управления, использование сило-

Танцы новые, а цели и ценности во многом новые

вых структур — полиции и армии — для решения социальных проблем, одновременно с этим у респондентов сохраняется популистская вера в «сильного лидера» и в необходимость «сильной партии», способной действовать в «интересах большинства» (58%). Также противоречивыми выглядят соседствующие утверждения о том, что «молодежь должна иметь больше возможностей заявить свой голос в политике» (66%), при одновременном вполне выраженном скептическом сознании, что «политикам не важно мнение молодежи» (48%).

Как отмечают авторы исследования, наряду с отчуждением от политики российская молодежь тем не менее ожидает от российского государства наведения порядка в стране. Наиболее значимыми задачами для власти в глазах молодых россиян оказываются: решение проблем гарантий прав и свобод человека (47,5%), улучшение окружающей среды (46,5%), повышение благосостояния (45,5%), снижение безработицы и гарантии занятости (22,5%), борьба с коррупцией (22,2%). В целом среди молодежи доминируют сильные представления о необходимости восстановления распределительно-директивной роли государства в экономи-

ке как условия достижения большей социальной справедливости, что, в свою очередь, считают авторы доклада, обусловлено инерцией социалистических представлений, идущих от советского времени.

Слабовыраженные политические предпочтения также не мешают молодым россиянам достаточно уверенно высказываться и о действиях РФ на внешнеполитической арене. Так, 64% опрошенных уверены, что Россия и европейские страны вступили в глубокую конфронтацию, которая является ненормальным состоянием для межгосударственных отношений. Почти половина (52%) полагают, что отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными — этому, однако, мешает антироссийская политика США (так считают 48% опрошенных) и агрессивная деятельность НАТО (в этом убеждены 15%). Мнение о том, что в ухудшении отношений с США виновата сама Россия, разделяют только 15% респондентов. Также абсолютное большинство опрошенных негативно относится к перспективе смягчения напряженности в отношениях между ЕС и Россией с помощью уступок. 67% опрошенных были бы против возвращения Крыма Украине, а еще 55% против прекращения экономической и военной поддержки непризнанных ДНР и ЛНР в обмен на смягчение конфронтации.

ЦЕННОСТИ РОССИЯН В ВОЗРАСТЕ ДО 35 ЛЕТ (% ОПРОШЕННЫХ)

